

Александр Казанцев

Журнал «Вокруг света» июнь 1973 года

СУХОПУТНЫЙ МОРЯК

От автора:

Четверть века назад мне посчастливилось совершить в Арктике два рейса на легендарном ледокольном корабле «Георгий Седов».

Плавал я вместе с Эрнстом Теодоровичем Кренкелем, Героем Советского Союза, прославленным радистом, участником полярных эпопей на «Сибирякове», «Челюскине» и «папанинской льдине» — первой станции «Северный полюс».

Эрнст Теодорович страстно любил Арктику и ее «полярный народ». Он хотел получше познакомить меня с полярниками и между делом организовал в салоне капитана «вечера рассказов». Всякий раз кто-нибудь, часто он сам, рассказывал о полярных делах, о людях Арктики.

Эрнст Теодорович был тогда начальником управления полярных станций Главсевморпути. Человек редкой скромности, он просил воздержаться от упоминания его имени в том, что я напишу после плавания. В своих вышедших потом книгах я выполнил это пожелание, хотя, думается, они проиграли от этого.

Позже я вернулся к тем темам, чтобы показать, какую роль на самом деле играл Эрнст Теодорович в выбранных мной эпизодах. Я посвятил ряд новелл памяти Героя Советского Союза, доктора географических наук Эрнста Теодоровича Кренкеля, человека большой души.

— Да я совсем не моряк! — сказал Эрнст Теодорович. — Я радист. Правда, работал радистом в разных условиях: и на земле, и на льдинах, даже в воздухе. Я ведь на «Цеппелине» летал. Помните, международный арктический рейс? Ну и в море, конечно, «Юшар», «Сибиряков»...

— Раз в море радистом плавали, значит, моряк, — уверенно сказал капитан «Георгия Седова» Борис Ефимович Ушаков.

— То добре, — заметил заглянувший в салон капитана аэролог Денисюк, которому предстояло завтра выгрузиться на остров Визе. — Я тоже в море никогда не плавал, а вот плыву.

— С комфортом плывешь, — усмехнулся Кренкель. — А вот у меня самые яркие воспоминания связаны с плаванием без комфорта...

Корабль наш «Челюскин» прошел за одну навигацию весь Северный морской путь, что в былые времена считалось совершенно невозможным, и вошел в Берингов пролив. Справа — мыс Дежнева, слева — туманные горы Аляски. Как известно, до «Челюскина» здесь только ледокол «Сибиряков» прошел, да и то под парусами, я же их и ставить помогал. Признаться, мы на «Челюскине» тоже вошли в Берингов пролив под парусами, только паруса наши на этот раз были не брезентовые, как тогда у «Сибирякова», потерявшего гребной винт в торосах, а ледяные.

— Как это ледяные? — не понял Денисюк.

Аэролог был огромного роста и с трудом втискивался между привинченным столом и диваном. Лицо его из-за массивных желваков казалось прямоугольным и чем-то напоминало Эрнста Теодоровича. Но в отличие от Кренкеля он носил щетинистые усы и шурился.

— Ледяные,— подтвердил Кренкель. — Размером от берега до берега, от Азии до Америки. Нельзя сказать, чтобы мы ловко управлялись с эдакими «парусами», то есть с ледяным полем, которое нас тащило. Мы надеялись, что на дрейфующем поле, как на белом коне, въедем через Берингов пролив и Берингово море в рай Охотского. Да, человек предполагает, а ветер, хоть и не бог и не красавица, располагает. В самый неподходящий момент он переменял направление и потащил наше ледяное поле вместе с вмерзшей в него скорлупкой «Челюскина» назад в Ледовитый океан, в Чукотское море... Что дальше было, сами знаете.

— То не добре. А как же все случилось? — допытывался Денисюк.

— На нашем «Челюскине» пожар приключился перед гибелью, прямо как на «Титанике»...

— Пожар? — изумился Денисюк.

— Самовозгорание угля, еще до льдов... Всем нам тогда в трюме побывать пришлось. Аврал! Перелопачивали, проветривали... Вонь, угар... Невольно вспоминаются четыре кочегара, которых в бункере «Титаника» заперли, чтобы в пассажирских салонах спокойствие

сохранить. Так и сохранили его в шуме веселья до самого столкновения со льдом. Они с горой столкнулись, а мы в равнину влезли.

На беду, наше поле, в которое вмерзли, треснуло. И пошла одна половина на другую, как стенка на стенку в старинных кулачных боях. А «Челюскин» между ними. Наши руководители — Отто Юльевич Шмидт и капитан Воронин предвидели возможную катастрофу «Челюскина». И составили аварийное расписание. Грузы были заранее вынесены на палубу. Надеялись, что обойдется. Да не вышло! Я сам видел, перегнувшись через реллинги, как стал борт корабля выпучиваться, словно картонный. И будто затрещали пулеметные очереди — это заклепки рвались. Корабль стонал, кряхтел, а нутро его — наружу. На лед полетели книги, подушки, даже сапожные щетки. Все это на снегу выглядело нелепо. Мое дело — по радио оповестить о случившемся, а электрического тока в рубке нет. Помчался сломя голову по трапам к резервному дизельку. Тот на месте стоит, а около него на колени опустился моторист. Думаю, запустить его хочет, а он богу молитвы возносит, помощь просит, поскольку у него дома чада остались. Дизелек оказался разобранным. Машинное отделение напоминало Сандуновские бани с бассейном; вверху пар, внизу вода...

— Не моторист — труха, — заявил старший механик Карташов, с интересом слушавший Кренкеля.

— Труха тоже среди нас была, — заметил Эрнст Теодорович, — только в малой пропорции, не то не выдержали бы.

— Как же вы без резервного дизеля? — спросил старший механик «Седова».

— На аккумуляторах аварийную связь наладили. Сообщил не только то, что, мол, тонем, а и как выгрузка идет на лед. Правда, сам я в замерзшее стекло ни черта не видел, да мне через открытую дверь кричали, что происходит. Тонул «Челюскин» рывками. Льдина пропорола ему борт и вошла внутрь судна. Так он на ней и висел, как шашлык на шампуре. Временами корабль весь содрогался. И опускался носом под лед. Покатались по моему столу карандаши. «Ну, — думаю, —

амба, закрывай лавочку» Тут принялись мы (славная у меня аварийная команда была, загляденье!) наше радистское хозяйство на лед выгружать. Я скорее боялся потерять какую-нибудь малость, чем утонуть... На палубе сами собой бочки прыгают, а аккумуляторы чертовски тяжелые. И когда изобретатели в них свинец заменят?

Ну а дальше уже не морская, а скорее воздушная героическая эпопея пошла. Работали мы на льду с допотопной искровой радиостанцией, от которой в эфире вроде одни помехи. Так на этих «помехах» связь и держали, пока летчики в течение месяца не вывезли более ста человек из лагеря Шмидта. Радистам привелось последними улетать с дрейфующей льдины вместе с доставленными туда на всякий случай собаками. Славные были собаченции! Мы о них грелись. Печки живые!

— Эх, завидую я вам, Эрнст Теодорович! Дюже завидую, — крикнул Денисюк и поднялся. — Как-то мы выгрузимся завтра?

Наутро у острова Визе, где Денисюк должен был работать аэрологом, разгулялся страшный прибой. Из-за позднего времени года «Георгий Седов» не мог здесь задерживаться. Льды грозили преградить ему обратный путь. Капитан Борис Ефимович и Эрнст Теодорович, посоветовавшись, решили изменить своей обычной осторожности и начать выгрузку во время прибоя.

Что делалось на берегу, я не знал. Я лишь видел людей, возвращавшихся на пустых кунгасах. На моряках не было сухой нитки, а вода ледяная. Они грелись разбавленным спиртом. Некоторые ящики им пришлось вылавливать у берега из воды. Выгрузка велась и днем и ночью.

Капитан не знал, удастся ли ему выбросить на берег все грузы для полярной станции Визе, и установил очередность. Сначала — продовольствие и топливо. В последнюю очередь — водородные баллоны.

Вот тут и начались неприятности для аэролога Денисюка. Баллоны казались ему самым важным грузом. Без них он не сможет наполнять

водородом шарики, чтобы выпускать их в небо. Наблюдая за их полетом на разной высоте, он должен определять скорость и направление ветра.

Денисюк категорически отказался съехать на берег без баллонов. Я видел, как он, огромный, неуклюжий, мрачно слонялся по палубе, глядя на далекий остров, пустынный и плоский, с одиноким домиком, который уже начало заносить снегом. На широком лице аэролога застыло выражение страдания.

Отправлялся Денисюк на остров с последним рейсом катера, буксировавшего кунгас с его «драгоценными» баллонами.

Повел катер третий штурман Иван Васильевич Нетаев. Вместо измученного моториста, работавшего двое суток без сна, с Нетаевым в этот рейс отправился старший механик корабля Карташов.

Я понял, какое значение придает капитан этому рейсу, послав своих помощников.

Когда катер, буксируя кунгас с водородными баллонами, отошел от корабля, налетел снежный заряд. Незаметно он перешел в пургу. Катер исчез в пелене. У всех худо стало на душе. Видимость кончалась прямо у борта корабля. Даже вершины мачт скрылись. Остров пропал. Все тревожно прислушивались к замиравшему стуку дизелька катера.

Наконец стук замер.

И вот уже полтора часа не слышно катера ни на корабле, ни на острове, с которым установлена радиосвязь. Катер не дошел до берега и не вернулся обратно. Как выяснилось позднее, дизель на катере заглох, когда Иван Васильевич уже видел ориентир — костер, разложенный на берегу.

— Что случилось? — крикнул из рубки Нетаев, наклонившись к переговорной трубе.

— Сейчас запущу, — отозвался механик. Был Карташов пожилым и удивительно спокойным моряком. В тесном машинном отделении он склонился над дизелем.

Дизель запускают не заводной ручкой, а сжатым воздухом, впуская его в цилиндры. Баллон со сжатым воздухом лежал на специальной

подставке, чтобы не перекачиваться при крене катера. Катер потерял ход. Его валило с боку на бок, било волнами.

Механик соединил шлангом баллон с дизелем и повернул кран дроссельного клапана, снижающего давление сжатого воздуха. Стрелка манометра на баллоне дрогнула. Сжатый воздух ринулся в цилиндры.

Карташов дал топливо — вспышка! Еще вспышка! Дизель застучал. Перестал. Опять застучал... И заглох.

— Форсунка засорилась! Надо прочистить! — уверенно крикнул Карташов в переговорную трубу.

Штурман тщетно старался поставить катер против волны. Огонь на берегу быстро удалялся. Ветер и течение несли катер в открытое море. Иван Васильевич посмотрел на компас, стараясь хоть приблизительно определить направление своего вынужденного курса. Цепляясь за поручни на машинной надстройке, штурман прошел на корму. Карташова он не торопил. Он во всем доверялся этому опытному человеку. Вспомнил рассказ

Кренкеля о молившемся мотористе и мысленно усмехнулся.

С кормы катера сквозь летящую снежную стену уходил в полумрак буксирный канат. Кунгас казался темным расплывчатым пятном.

Снег, липкий, мокрый, бил в лицо, залепляя глаза.

Осветился квадрат люка. Из него показалась голова механика в сдвинутой на затылок кепке.

— Сейчас запустим! — ободряюще крикнул он.

Успокоенный штурман вернулся в рубку и взялся за штурвал. Но на душе у него было нехорошо. Механик запустит дизель... А куда идти?

Нелегко в море найти остров. «Седов» его трое суток искал. На катере не было ни радиопеленга, ни лага, ни карт с нанесенным на них курсом. Дизель не работал.

— Что там у тебя? — небрежно крикнул Нетаев в переговорную трубу.

В машинном отделении молчали.

С тяжелым предчувствием штурман снова выбрался из рубки и заглянул в люк машинного отделения.

Электрическая лампочка тускло освещала широкую спину приземистого старшего механика. Карташов обернулся. Нетаев не узнал его. Всегда спокойное лицо его перекосило, как от мучительной боли. Он указал на стрелку манометра.

— Все стравил, — упавшим голосом сказал он.

В баллоне воздуха не было... Стрелка манометра застряла...

Нетаев увидел капельки пота на морщинистом лбу Карташова. Тот продолжал чужим, незнакомым Нетаеву голосом:

— Дизеля не запустить. Моя вина. Выходит, труха!..

С неожиданным спокойствием Нетаев сказал:

— Пассажир ведь на кунгасе... Надо его на катер взять. Кунгас скоро затонет.

Механик взглянул на штурмана, со злостью пнул ногой пустой баллон и полез следом за Нетаевым по трапу. Они выбрались на корму. Липкий снег и брызги летели отовсюду. Через голенища в сапоги заливалась вода.

Моряки ухватились за буксирный трос и с трудом стали тянуть его. Скоро из мглы появилась пляшущая тень. Это был кунгас. На носу его маячила фигура человека.

Нетаев крикнул:

— Прыгайте, Денисюк! Трос обрубим!

— Как же так — обрубим? — слышался голос. — Так ведь тут баллоны с водородом!

— Какие там баллоны? — с раздражением сказал Карташов.— Кунгас ко дну пойдет. Разве не понятно?

— То ж понятно, — отозвался Денисюк. — Вполне понятно. Только как же баллоны бросать?

Он выкрикивал слова, то поднимаясь над кормой, то проваливаясь куда-то вниз.

— Прыгайте! — начал сердиться Карташов.

— Так ведь без баллонов ни единого шара не выпустить. То ж не дело! — хрипло протестовал Денисюк.

— Нам кунгас не удержать, он открытый, его зальет волнами, — сдерживаясь, объяснял Нетаев.

— Так вы бы то сразу сказали. А ну! Поберегись! Будьте ласковы!

На палубу что-то грохнулось. Карташов едва успел отскочить. Это упал брошенный с кунгаса баллон. Трудно было поверить, что пятидесятикилограммовый баллон можно перебросить на такое расстояние. Но Денисюк, огромный Денисюк, в армии удивлявший однополчан-танкистов игрой с двухпудовой гирей, выбрал момент, когда кунгас ударился о корму катера, и перебросил баллон...

— Перетаскивайте, Федор Михайлович, в носовую каюту, — сказал механику Нетаев, невольно улыбнувшись изумлению Карташова. — А я буду их удерживать на палубе, чтобы не нырнули...

Баллоны, похожие на крупнокалиберные снаряды, один за другим падали на корму катера. Слышно было, как хрипло дышал Денисюк, поднимавший их со дна кунгаса.

— Денис Алексеевич! Хватит, катер перегрузим! — нерешительно протестовал Нетаев.

— Да то ж мне на целый год... Восемь штук. То небогато. Еще парочку, будь ласков! — И, не дожидаясь ответа, Денисюк с тяжелым вздохом бросил на катер еще один баллон.

Потом он неуклюже прыгнул сам и сразу вцепился в поручни.

— Качает, как на танке... по пересеченной местности, ровно контузило, — проговорил он.

Штурман взмахнул топором, обрубил трос. Кунгас взлетел на гребень волны и исчез в темноте.

Денисюк навалился животом на машинную надстройку. Ему, видимо, было нехорошо.

— Сухопутный я моряк, — виновато сказал он, обернувшись.

— Если нехорошо, надо работать, — посоветовал Нетаев. — Идите с механиком откачивать воду.

Денисюк, минуту назад кидавший стальные баллоны, теперь едва держащийся на ногах, поплелся в носовую каюту.

Вход в каюту был через рулевую рубку.

За стеклами рубки в темноте ревела вода. С грохотом била она в переборки и двери. Из-под стекол и через порог вода струйками стекала в каюту. Ее пришлось вычерпывать ведрами. Денисюк стал помогать Карташову. Работать было трудно. При росте Денисюка ему нельзя было даже разогнуться. Но все же работа помогала.

Карташов хмурился и молчал.

Откачивали воду всю ночь, но вода прибывала. К утру поднялся ветер баллов до десяти. Положение катера становилось угрожающим. Он уже не прыгал по волнам. Изнемогая, ложился на борт, зачерпывая воду, вдруг взлетал, готовый оторваться от гребня, потом снова стремительно падал.

Лишь на минуту спустился в каюту штурман.

— Ну беда, Денис Алексеевич, — сказал он. — У катера ходу нет, против волн держаться не может. Воды не вычерпать, сами видите.

— Так что ж? — сгорбившийся

Денисюк остановился с ведром в руке.

— Баллоны надо будет сбросить, — сказал Нетаев.

— То ж не дело, товарищи! Мне ж год не с чем будет работать!

— Ничего не поделаешь, Денис Алексеевич, — как бы извиняясь, пожал плечами штурман.

— А если запустить дизель? — вдруг спросил Денисюк.

— Как запустить? — вяло спросил механик.

— Так вот вам сжатый газ! Двести атмосфер! — и Денисюк пнул ногой баллон.

Карташов удивленно посмотрел на Денисюка.

— Это водород, — напомнил он.

— Так что же?

— Рехнулся! — Карташов сердито бросил ведро. — Смесь водорода с воздухом — это же гремучий газ. Если мы будем провертывать дизель сжатым водородом — верный взрыв. От катера щепки останутся!

— Э, ни! — поднял руку Денисюк. — Ты ж меня выслушай! То ж идея! Мы не смешаем водород с воздухом. Мы все всасывающие трубы заткнем кляпом.

Карташов отрицательно покачал головой:

— Это нельзя... риск.

— Как разумеете. Только баллоны выбрасывать не могу.

— Как думаешь, Федор Михайлович? — нерешительно обратился Нетаев к механику.

— Никогда такого не слыхивал, — сердито обернулся тот. — Пятнадцать лет механиком, немало людей выучил... Не могу пойти на такой риск.

Нетаев задумался. Денисюк, согнувшись, выжидательно смотрел на него. Наконец штурман повернулся к нему. Обычно мягкое, улыбающееся лицо его сейчас побледнело, осунулось. Тонкие черты обострились.

— Почему вы считаете, что можно использовать водород? — с прежним спокойствием спросил он.

— А я ведь в политехническом учился, только не кончил. Потом, в войну, танкистом был, с танковыми дизелями возился. В общем, знаком я с дизелями...

— Послушайте, Денисюк, — твердо сказал штурман. — Я когда-то проходил в мореходке дизеля, но считайте, что я ничего в них не понимаю, и считайте, что сейчас я обязан все понять. Обязан! Встаньте рядом со мной в рубке, мне надо к штурвалу. Карташов вал будет снизу подавать ведра, а вы выливайте воду на палубу. И объясняйте мне так, чтобы я непременно понял, все понял!

Денисюк внимательно, с уважением посмотрел на невысокого штурмана,

— Добре, — согласился он, — все расскажу.

Волны зелеными вспышками разбивались о стекло. Катерок взлетал — и люди видели зубчатый горизонт, покрытый гребнями волн. Потом катер срывался вниз, готовый перевернуться килем вверх, — и люди теряли равновесие, едва удерживаясь на ногах. Денисюк, ссутулясь, стоял рядом со штурманом. Он брал ведра, которые ему подавал снизу механик, и выливал воду на палубу.

— Как работает дизель? Первым делом поршень из цилиндра выдвигается и засасывает в него снаружи воздух. — Денисюк протянул вниз руку и взял ведро с водой. — То первый такт. Потом поршень вдвигается в цилиндр и тот воздух, что туда попал, сжимает. Крепко его сжимает, так крепко, что воздух сильно нагревается. То второй такт. Теперь третий такт. В цилиндр с горячим воздухом через форсунку впрыскивается жидкое топливо. Оно начинает гореть, образуя газы, а эти газы с силой выталкивают поршень. То рабочий ход. И наконец, последний такт: поршень идет обратно и выталкивает наружу расширившиеся газы. — Денисюк выплеснул ведро на палубу. — Потом снова в цилиндр засасывается воздух. — Денисюк опять взял у Карташова ведро, полное воды.

Штурман, бледный, напряженно держась за штурвал, слушал эту, необычную лекцию. Он знал, что катеру не продержаться и нескольких часов.

А сколько времени понадобится «Седову», чтобы найти в открытом море крохотный катер? Пойдя на риск, можно запустить дизель и держаться против волны — кто знает как долго... Но если взрыв?

— Теперь как запустить дизель? Очень просто. Мы возьмем и закроем всасывающую трубу. — И Денисюк закрыл дверь в каюту. — Провернем дизель вручную. Поршни весь воздух, какой в цилиндрах есть, вытолкнут наружу, а нового не засосут. — Денисюк выплеснул из ведра остаток воды. — Теперь в пустой цилиндр... — Денисюк показал порожнее ведро, — мы вместо топлива пустим сжатый газ из баллона. Сжатый газ вытолкнет поршень. Поршень выйдет из цилиндра, а потом

обратно пойдет, и расширившийся газ вытолкнет наружу, не сжимая его, то есть не нагревая. Теперь снова первый такт. Поршень должен был бы воздух засосать, но ведь всасывающая труба закрыта. И снова цилиндр пустой. — Денисюк потряс ведром. — А тут опять рабочий ход подоспел. Вместо топлива в цилиндр снова сжатый водород попадает. И, видишь, он не смешивается с наружным воздухом. Ведро, то бишь цилиндр — пустой... Значит, нет никакой гремучей смеси. А вот дизель раскрутился... Тут момент надо поймать — сжатый водород прикрыть, а всасывающую трубу открыть. — Денисюк распахнул дверь. — Карташов, давай ведро.

Механик сунулся в рубку.

— Послушай, Ваня! Пусть Денисюк — недоучившийся инженер, а я просто практик... Мыслимое ли дело... с водородом и этикие штуки? Я еще с училища помню: водород — взрывчатое вещество. Тебе решать, Иван Васильевич. Здесь, в море, ты капитан, хоть и младше меня. Что до меня, так я ничего не имею против... взорваться, — в голосе Карташова зазвучала прежняя уверенность. — Виноватым себя считаю...

Нетаев должен был решать.

Денисюк и Карташов ритмично вычерпывали воду. Нетаев молчал. Он сжимал в руках штурвал и думал.

«Георгию Седову» тяжело приходилось от качки. Радиста едва не смыло за борт, когда он бежал к капитану с радиограммой. Радист схватился за реллинги и с трудом удержался на ногах, да и то только потому, что его подхватил направлявшийся к нему в радиорубку Кренкель.

Кренкель прочел адресованную ему радиограмму и, хмурясь, пошел к капитану на мостик.

— Погода нелетная, — буркнул он.

Часами капитан с Кренкелем простаивали на мостике, поочередно обводя биноклем горизонт. Но горизонт этот был так близок, что в бинокле не было нужды.

Капитан прочесывал море зигзагами. Кренкель ушел в радиорубку и сам сел за ключ, связываясь с Диксоном. Корабль, разворачиваясь на новый галс, попадал под удар волны и бортом зачерпывал воду. Прежде капитан избегал этого, боялся, что катер и кунгас сорвутся в воду. Теперь капитану было все равно.

— Летит! Летит! — послышался крик с кормы.

Капитан резко повернулся. Под низким небом летел самолет.

— Все-таки вызвал! — воскликнул капитан. — Ну и Кренкель! Петушиное слово знает! — обрадованно заговорил капитан.

Летающая лодка сделала круг над кораблем. Моряки провожали ее восхищенными взглядами.

— Как только он поднялся?

— Так ведь сесть еще надо на такую волну!..

Самолет стал удаляться от корабля, почти касаясь волн.

На палубе появился сосредоточенный Кренкель и опять скрылся в рубке, он держал прямую радиосвязь с пилотом.

И вдруг я снова увидел Кренкеля, выскочившего из радиорубки. В несколько прыжков он достиг трапа и одним пмахом взлетел на капитанский мостик.

— Право на борт! Живее!

Я почему-то вспомнил его рассказ, как он на «Челюскине» сломя голову мчался к резервному дизельку.

«Георгий Седов» стал разворачиваться по команде Эрнста Теодоровича и снова зачерпнул бортом, но теперь этого никто не заметил.

И через час с корабля увидели катерок. Маленькая точка то появлялась, то исчезала в тумане.

— Против волны держатся. Значит, с дизелем порядок... — сказал капитан, глядя в бинокль.

— Да, должно быть, не богу там молились, — заметил Кренкель.

— Как же вам удалось самолет вызвать в такую погоду? — спросил капитан.

Кренкель хитро прищурился и стал походить на Денисюка.

— А я им ключом вчерашний рассказ про «Челюскина» отстучал.

Через двадцать минут моряки обнимали смельчаков, спасших себя и катер.

— Сколько баллонов утопили! — сокрушался Денисюк. — Теперь по малой программе весь год работать придется. А я пойду до каюты, отлежусь. Что? Не по-морскому? Так я же сухопутный, а море-то ваше...

— Вы его не слушайте, — заметил старший механик Карташов, — он, Денисюк, и есть настоящий моряк.

А Кренкель снова засел в радиорубку на прямую связь и не выходил оттуда, пока не узнал о благополучной посадке летающей лодки в бухте острова Диксон.

Потом я видел, как он оживленно обсуждал что-то с Карташовым у входа в машинное отделение. До меня донеслись лишь слова:

— Нет, не труха...